

Борьба против вражеского прошлого:

Кенигсберг/Калининград как место памяти в послевоенном СССР

Город Кенигсберг/Калининград после 1945 г. был своеобразным, раздвоенным местом памяти. Для немцев он был местом без настоящего: скрытая за двойным железным занавесом бывшая столица Восточной Пруссии, аннексированная в конце войны Советским Союзом, существовала только в воспоминаниях жителей Германии – в особенности, естественно, тех, кто был оттуда изгнан. По поводу прежнего Кенигсберга оказалось тем легче фантазировать, что новый Калининград был таким недоступным, и город этот превратился в своего рода немецкую Атлантиду. Для советских же новопоселенцев Калининград после 1945 г. был местом без прошлого: на немецкую историю города было наложено табу, а советского прошлого у него ещё не было. Новые жители города, таким образом, жили как бы только «здесь и сейчас»; Калининград как советское место памяти ещё только предстояло создать.

Места памяти имеют очень важное значение для «создания наций» (*nation-building*) в самом широком смысле: хотя нацию и неверно представлять как чисто воображаемую общность^[1], места памяти все же играют первостепенную роль в интеграции подобного рода крупных социальных образований, ибо они сообщают их членам общие ценности, которые и составляют самопонимание нации. Насколько важны такие общие ценности, становится понятно обычно лишь тогда, когда их вдруг не оказывается. Так, например, Борис Ельцин воспринимал идентификационный вакуум в постсоветской России как проблему настолько насущную, что объявил конкурс, с тем чтобы найти основания для нового российского национального сознания.

Разумеется, возникновение исторических мест памяти – процесс многослойный. Часто предпринимались попытки повлиять на их создание или даже управлять им, чтобы обеспечить легитимность того или иного политического режима. Так, Сталин, например, манипулировал некоторыми важнейшими характеристиками места памяти “Ленин” с тем, чтобы иметь возможность представить самого себя в качестве церемониймейстера новой светской религии и клеймить как смертные грехи мнения “уклонистов”. Однако места памяти нельзя просто насаждать сверху: для того, чтобы они действительно могли закрепиться в памяти коллектива и послужить основой для его самоидентификации, “искусственно

созданные” места памяти тоже должны встретить отклик в массовом сознании.

Именно в силу этой многослойности места памяти и являются важным предметом исследования для историков – прежде всего для тех, кто занимается историей Советского Союза. Дело в том, что места памяти были местами, где велись переговоры между властителями и подданными по поводу самопонимания советских граждан; в местах памяти, таким образом, отражаются успехи и неудачи коммунистических властителей, старавшихся с помощью определенной исторической политики укрепить поддержку режима населением. Дискурсы, связанные с местами памяти, могут много рассказать нам о том, как удавалось властям осуществлять свою монополию на истолкование реальности в советском обществе послевоенных лет.

Понятием «место памяти» обозначается определенный аспект «коллективной памяти». «*Memoire collective*» – эвристическая модель, предложенная впервые Морисом Хальбваксом в 1925 г. Личные воспоминания человека, как заметил Хальбвакс, в значительной мере определяются той средой, в которой вращается этот индивид[2]: социокультурное окружение задает рамки и границы мышления индивида и тем самым обеспечивает базу, на которой могут закрепляться многочисленные совместимые друг с другом, общие воспоминания. Нормы и ценности данного общества в значительной мере влияют на то, о чем будет вспоминать эта группа, так как именно нормы и ценности определяют, что именно должно восприниматься как «важное»: только после того, как прошедшие события ретроспективно наделяются неким значением, они превращаются в коллективные воспоминания.

В «местах памяти» кристаллизуется коллективная память. При этом слово «места» не обязательно понимать буквально: местами памяти могут быть – а могут и не быть – реальные места, такие как монументы, здания или ландшафты (скажем, Бранденбургские ворота или Сталинград), но прежде всего места памяти – это фиксированные точки в прошлом, которые превратились в символические фигуры. Поэтому и символы, и песни или ритуалы (триколор, «Интернационал») тоже могут становиться местами памяти. Общим для всех мест памяти является то, что существование их – преимущественно метафизическое: они изменчивы, так же как и воспоминания меняются с течением времени, поскольку включены в изменяющиеся общественные, культурные и политические традиции и культуры. Их значение для сообщества может возрастать или убывать, они могут обретать новое значение, а могут и вовсе пропадать насовсем из коллективной памяти или быть вытеснены из нее.

На таком фоне будет анализироваться в этой статье формирование советского места памяти «Кенигсберг/Калининград» в период между 1945 и 1970 гг. Этот город представляет особый интерес прежде всего потому, что перед коммунистической партией здесь в течение

многих лет стояла проблема: как создать собственный ландшафт памяти в условиях абсолютного преобладания материального наследия немецких времен. Если место памяти «Кенигсберг» в архитектурном отношении зримо сохранилось в облике города и по сей день, советскому месту памяти «Калининград» вплоть до середины 60-х годов недоставало именно физического присутствия. Поэтому в центре настоящей статьи будут стоять планирование и отображение новой *коллективной памяти* в визуальной и архитектурной форме. Конкретно речь пойдет о процессе включения чуждого городского ландшафта Кенигсберг в советскую мнимокультуру. В ходе этого процесса власти были вынуждены, с одной стороны, разрабатывать концепции преобразования сохранившегося ландшафта с целью приспособления его к требованиям советской исторической политики, а с другой стороны, как-то определять свою позицию в отношении построек, оставшихся от времени до 1945 г. Обращение с внешним видом города было, правда, всего *одним* из многих каналов, по которым транспортировались интерпретации советской мнимокультуры, однако в специфических условиях Калининграда этот канал был самым важным и от него зависели все прочие каналы (т.е. экскурсии, доклады, брошюры и т.д.).

Интересовать нас будет, во-первых, какие концепции выдвигали создатели и носители советской исторической политики, какие мифологические образы и исторические нарративы они использовали, какие применяли стратегии включения города в собственную мнимокультуру; во-вторых, насколько они преуспели в проведении этих концепций и стратегий среди своих подданных и какие факторы определяли успех или неуспех предписывавшейся интерпретации прошлого.

В этой связи необходимо, однако, иметь в виду, что в первое десятилетие после войны прошлое Калининграда, якобы «вражеское», поначалу являло собой преимущественно мысленную конструкцию, посредством которой советским новопоселенцам давали «историческое» объяснение, зачем им вообще переезжать в этот некогда самый восточный из крупных городов Германии. Памяти, «вражеской» в буквальном смысле этого слова, быть не могло, ибо с момента выселения немцев в 1948 г. новым жителям области не противостояла более никакая группа, хранящая конкурирующую мнимокультуру в том же месте и связывающая её с этим местом. Сложилась, таким образом, парадоксальная ситуация, при которой носительницей и «своей», и «чужой» памяти выступала одна и та же группа – советские люди. То есть, «борьба» с «чужим» прошлым была инсценирована партией, чтобы не допустить никаких альтернативных возможностей идентификации, опасных для её руководящей роли. Эта диалектическая схватка с тенью завершилась тогда, когда партия после начала «оттепели» столкнулась с реальными оппонентами из числа местной

интеллигенции, которые действительно представляли свой взгляд на прошлое региона, отчасти сознательно отклоняющийся от партийно-официального и отчасти его подрывавший.

Верхняя хронологическая граница настоящего исследования – 1970 г. – выбрана в связи с тем, что после отката, имевшего место в брежневскую эпоху, в принципе не приходится более говорить о какой-то исторической политике в Калининграде: в последующие десятилетия вплоть до 1991 г. табу было наложено не только на немецкую довоенную историю города, но и на значительную часть советской послевоенной его истории. Так и получилось, что Калининград до самого распада СССР оставался городом без прошлого.

1. Злой город

В сталинской пропаганде разрушение Кенигсберга в ходе авианалетов и уличных боев 1944-45 гг. было представлено как справедливый очистительный огонь, в котором был спален прежний город вместе со своим тлетворным прошлым: «Теперь Красная Армия навсегда ликвидировала разбойничье гнездо немецкого империализма в Кенигсберге», – торжествовала «Правда» уже на другой день после капитуляции немецких защитников города, отмечая, что таким образом немецкому «натиску на Восток» навеки положен конец.

[3] В серии статей, опубликованных газетой в последующие дни, была задана линия, в согласии с которой следовало отныне интерпретировать прошлое города: «Кенигсберг – это история преступлений Германии. Всю свою многовековую жизнь он жил разбоем, другая жизнь ему была неведома. Молчаливы, мрачны здесь дворцы. В тиши их кабинетов, военных архивов и библиотек, в толстых крепостных стенах военных школ и аудиторий вызревали из десятилетия в десятилетие войны, грабительские походы».[4] В советской пропаганде Кенигсберг был превращен в обитель зла, и поэтому непременно надо было подчеркнуть, что «пруссские курфюрсты (князья) короновались не в своей столице – Берлине, а именно в Кенигсберге».[5]

Такие характеристики вполне в духе военной пропаганды, которая была тогда в ходу не только в СССР, однако, в отличие от других сравнимых случаев,[6] она в мае 1945 г. не кончилась, а наоборот, по сути только началась: клеймить Кенигсберг как ‘злой город’ было принято в советской пропаганде ещё и тогда, когда цель её давным-давно состояла уже не в том, чтобы воодушевить солдат на борьбу с германским вермахтом. Советское место памяти «Кенигсберг» практически утратило связь с реальной историей города. Разговоры о Кенигсберге как отправной точке немецкого «натиска на Восток» использовались преимущественно для оправдания аннексии этого города. Авторы статей в советской прессе старались при этом опираться на слова Сталина о том, что территория вокруг Кенигсберга

исторически принадлежала славянам.^[7] «Территория Восточной Пруссии – исконно-славянская земля, в течение веков находившаяся в плену, – возвращена ее подлинным хозяевам», – вдохновенно восклицал начальник областного управления архитектуры Дмитрий Тянь в ноябре 1947 г. в газете «Калининградская правда».^[8] Год спустя в той же газете подчеркивалось, что «в городах и селах, отошедших к Советскому Союзу, развеваются красные стяги – символ [...] торжества исторической правды».^[9]

В первое время власти очень активно занимались поисками обоснований для аннексии области – в частности, потому, что, как констатировала группа лекторов Калининградского обкома уже в 1947 г., среди новопоселенцев наблюдался «особенно большой интерес» к условиям жизни в довоенной Восточной Пруссии.^[10] Это стало причиной написания своего рода «краткого курса» истории Восточной Пруссии, который вплоть до распада СССР оставался главным пособием по этой теме; в нем все довоенное прошлое Восточной Пруссии было огульно объявлено одним длинным периодом оккупации, начавшимся с завоевания этих земель Тевтонским Орденом в XIII в. и лишь ненадолго прерывавшимся во время Семилетней войны. Включение Восточной Пруссии в состав Российской империи на период 1758-1762 гг. использовалось при этом в качестве доказательства того, что регион этот был тесно связан с Россией и до 1945 г. Такой взгляд насаждали среди населения не только посредством газетных статей, но и, прежде всего, через передачи Калининградского радио, чтобы охватить максимальную аудиторию.^[11]

Но эта фаза интенсивного внимания к немецкой истории продолжалась недолго: на смену периоду проклинания немецкой истории Кенигсберга и Восточной Пруссии уже очень скоро пришел период практически полного её игнорирования. В конце 40-х годов цензурное ведомство Главлит решило, что недопустимо вообще даже упоминать о немецкой истории Калининградской области, если только это не было непосредственно связано с завоеванием Восточной Пруссии Красной Армией в 1945 г. Отныне нельзя было употреблять даже такие формулировки как «отвоёванная от немцев земля». Соответственно и в докладах Областного лекторского бюро в 1948-1953 гг. довоенная история практически не фигурировала: при том, что в общей сложности лишь около 2% всех докладов были посвящены темам, как-либо связанным с региональной историей, главное место занимали опять-таки «Восточно-Прусская операция» Красной Армии и рассказы об «исконно славянской земле». Историческая секция Калининградского Общества «Знание» существовала лишь на бумаге; в школах области и даже в Калининградском Педагогическом институте историю края не проходили вовсе. Основной задачей, поставленной перед всеми образовательными учреждениями Калининградской области (включая созданный уже в 1946 г. Краеведческий

музей), было смотреть вперед и расхваливать успехи в развитии хозяйства.^[12] Показательно, что первая монография, в которой шла речь об истории города в период до 1945 г. (пусть и «с идеологически выверенных позиций»), смогла выйти в свет только во время «оттепели», в 1959 г.: это был тоненький первый путеводитель по Калининграду.^[13] Если не считать нескольких статей в «Калининградской правде», то прошлое области до того момента оставалось просто белым пятном: особенностью нового региона должно было стать именно отсутствие у него истории.

Правда, материальное наследие довоенной эпохи, т.е. прежде всего немецкую архитектуру, невозможно было просто вычеркнуть из действительности, вычеркнув его из списка тем для докладов. Оно составляло повседневную среду обитания для новопоселенцев. Но к нему прилагались те же мерки, что и к самому времени, от которого оно осталось: власти рассматривали немецкие постройки как нежеланное наследство оккупационного режима, лишенное всякой собственной ценности^[14] и к тому же низкокачественное. «Мы обязаны строить по-новому, по-советски, в соответствии с возросшими культурными потребностями нашего народа», – писала «Калининградская правда» в октябре 1947 г.^[15] Однако даже важнее, чем якобы низкое качество немецкой архитектуры, было для советского начальства её символическое содержание. Назначенный в 1948 г. первым главным архитектором Калининграда Дмитрий Навалихин писал: «Насыщенность центра города [...] военными сооружениями [...] придавала специфический, казарменный облик всему городу. [...] Архитектурный облик быв. Кенигсберга, наряду с чертами, свойственными исторически сложившимся частнокапиталистическим городам, включал в себя своеобразные черты немецкого военно-милитаристского города, пропагандировавшие и утверждавшие ненавистные человечеству идеи и представления».^[16]

Когда Кенигсберг использовался в качестве натурры для съемки фильмов о войне, эта интерпретация переносилась на экран: в этих кинокартинах он представлял идеальнотипическим немецким городом, т.е., как правило, городом вражеским. В одном из первых фильмов – «Встреча на Эльбе» (1948) – Калининград изображал разделенный между американцами и Советами город Торгау. По улицам его пробираются затаившиеся нацисты и шпионы, которые прячутся в развалинах и встречаются друг с другом в готических церквях. Эта демонизация немецкой архитектуры достигла своего апогея при съемках картины «Судьба человека» (1959), где неоготические бастионы городских стен Кенигсберга фигурируют, в частности, в роли построек в лагере смерти Освенцим.

Так архитектурным сооружениям приписывалось идеологическое значение, в силу которого

их снос представлялся неизбежным. Потому и сильные разрушения в Кенигсберге – а по расчетам советской администрации центр города во время военных действий был уничтожен более чем на 90%^[17] – официально расценивались в первые послевоенные годы как положительные последствия войны. Ещё в 1951 г. поездка по центру Калининграда, лежащему в развалинах, описывалась в одном литературном альманахе в следующих восторженных выражениях: «Вот он какой, этот город! Трамвай везет вас по горбатым и узким улицам бывшего города. Бывшего потому, что Кенигсберг действительно бывший город. Его не существует. На много километров открывается незабываемая картина развалин. Стоят, тесно прижавшись друг к другу, разбитые пустые дома, без крыш и перекрытий. Они заросли бурьяном и плющом». Восстанавливать этот город нет смысла, продолжал автор. Лучше сделать все заново.^[18] Подобная мысль была не нова – уже в июне 1946 г. администрация новообразованной области выдвинула предложение перенести центр города в другое место. В записке для служебного пользования говорилось, что бывший центр Кенигсберга следует оставить в разрушенном состоянии, «...сохранив его как памятник *Победы в Великой Отечественной Войне* 1941-1945 гг. с немецким фашизмом», а рядом построить совершенно новый город.^[19]

Подумывали и о том, чтобы обнести разоренные кварталы стеной, отгородив их от остального города. В этих идеях отражалось, однако, не только стремление радикально порвать с немецким прошлым, но и острая сталинская шпиономания – новопоселенцев в послевоенные годы постоянно предупреждали: «Мы живем на вражеской территории».^[20] Новые хозяева казались себе обитателями осаждённой крепости, тем более, что оставшееся в Калининграде гражданское немецкое население («наши открытые враги»^[21]) вплоть до выселения в 1948 г. численно преобладало в городе над русским.^[22] С изумлением наблюдали немцы за тем, как новосёлы занимали в Калининграде оборонительные позиции: одна из прежних жительниц вспоминала впоследствии, что Советы в самые сжатые сроки установили «своеобразные деревянные заборы», перекрыв в некоторых местах для прохода целые улицы, и воздвигли на перекрестках сторожевые вышки.^[23] После окончания войны даже планы кенигсбергской канализационной системы были вместе с документацией по городским укреплениям тайно отправлены в Москву, чтобы их не могли использовать для нападения на советские войска немецкие партизаны, существование которых предполагалось (только после 1991 г. стало известно, что эти документы с 1945 г. хранятся в бывшем „Osobom Архиве“ в Moskvе^[24]: в восприятии советских хозяев Калининград поначалу оставался городом, который представлял постоянную угрозу для своих новых жителей.

2. Виртуальное прошлое

Табуируя и вытесняя довоенную историю Кенигсберга, советское начальство одновременно старательно насаждало в Калининграде стандартную советскую культуру. Она включала не только известные большевистские праздники, парады и демонстрации: огромное значение придавалось также кампании по переименованию, проводившейся в конце 40-х гг. По мнению представителей Министерства государственной безопасности новые названия населенных пунктов и улиц были гарантией того, что Калининградская область превращается в мощный форпост обороны Советского Союза, ибо способствовали укреплению у новопоселенцев советской идентичности.[\[25\]](#) Но прежде всего новые названия лишний раз показывали, насколько чужими пока чувствовали себя в этом регионе его новые обитатели: когда им предоставляли возможность самим предложить новые варианты, они зачастую называли улицы, села и колхозы так же, как звались те, откуда они были родом.[\[26\]](#) Первые советские места памяти, таким образом, отсылали вдаль, вместо того чтобы способствовать укоренению.

Но важнейшим средством укрепления идентификации новопоселенцев с их новой родиной считались планы восстановления города. Так, одна инженер-строитель писала в июле 1947 г. в «Калининградской правде»: «Калининград требует [...] реконструкции в духе советской идеологии [...], искоренения прусского духа города».[\[27\]](#) В последующие годы планировщики наперебой предлагали различные проекты реконструкции, подчеркивая, что «архитектурная планировка города должна отражать могущество нашей великой державы и русское радушное гостеприимство»[\[28\]](#), а вместе с тем «реконструируемая магистраль должна быть достойной своего славного имени и не только для советских людей и для друзей, но и для недругов [...]».[\[29\]](#) Каждый новый проект становился кирпичиком советской картины светлого будущего: «Освобожденная из векового плена земля должна расцвести пышным цветом, и украшением ее будет самый западный город страны Советов – Калининград. Великое счастье и великая честь выпали на долю тех, кто начал строить новый советский город».[\[30\]](#)

Главный архитектор Навалихин в конце концов предложил перестроить Калининград в уменьшенное подобие Москвы, приспособленное для массовых манифестаций. В конце 40-х годов он создал впечатляющую панораму будущего Калининграда, в которой воспроизводилась базовая структура генерального плана реконструкции Москвы 1937 г.: в центре – Дом Советов высотой около 120 м., а к нему звездообразно сходятся широкие проспекты; в точках их пересечения с кольцевыми улицами запланированы высотные здания по образцу тех, что строились тогда в столице.[\[31\]](#)

Вообще, московский генеральный план служил образцом для проектов восстановления почти всех разрушенных советских городов[32], однако проект Навалихина отличался тем, что наличные местные условия в нем игнорировались почти полностью. В то время как Главное Архитектурное Управление в Москве в конце 40-х г. потребовало учитывать при планировании местные исторические и географические особенности, чтобы усиливать чувство родины у населения[33], для Калининграда было сделано исключение. Здесь все должно было быть наоборот: по мнению новых хозяев это место должно было утратить какие бы то ни было уникальные черты и выглядеть как типичный советский населенный пункт, чтобы новые жители воспринимали его как свой «родной город». Поэтому Навалихин в своих проектах представлял новый Калининград как квинтэссенцию советского градостроительного искусства. Возводимый город должен был служить экраном, на который жители, приехавшие из других регионов советской империи, могли бы проецировать привезенные с собой воспоминания.

В этом переплетении отсылок к другим советским городам заметное место, наряду с московскими аллюзиями, занимали отсылки к Сталинграду, который на тот момент уже превратился в одно из важнейших советских мест памяти в истории. Первым средством создания этой аллюзии были переименования. Во-первых, главная улица западной части Калининграда (раньше это было предместье, которое, благодаря меньшему масштабу разрушений, на долгие годы превратилось в центр города) получила название Сталинградский проспект, во-вторых, в Калининграде, по образцу Сталинграда, должны были возникнуть «Аллея героев» и «Аллея смелых». Тем самым Калининград уравнивался в статусе с городом-героем на Волге: если Сталинград был символом советской обороны и начала разгрома немецких захватчиков, то Калининград – уже самим фактом своего существования – был символом окончательной победы над Германией. Восстановление Калининграда, как и Сталинграда, интерпретировалось как завершение борьбы против немецко-фашистских оккупантов: после окончания войны, – говорилось в одной статье в «Калининградской правде» (апрель 1950 г.) о разрушенном Калининграде – «[...] казалось, никакими силами не вернуть к жизни этот суровый и мрачный мертвый город. На за дело взялись советские люди. В это время уже возрождался героический город Сталинград. И, мы участники его обороны [...], твердо верили, что здесь, на исконно славянской земле, новый советский город будет!»[34]

Вновь используемый топос «исконно славянской земли» свидетельствует, однако, о том, что стандартная советская культура, ориентированная на одно только настоящее, не способна была обеспечить потребность новопоселенцев в самоидентификации. Поэтому Навалихин

разрабатывал не только подробные планы, обнаруживавшие отчетливое сходство с *современными* проектами реконструкции Москвы, но и такие, в которых цитировались *средневековые* постройки русской столицы. Например, к построенному в 20-е годы XX в. кенигсбергскому Северному вокзалу предлагалось пристроить копию Спасской башни московского Кремля. Посредством этого и других подобных проектов Навалихин хотел, с одной стороны, воплотить в зримые формы новую роль Калининграда как готового к обороне «форпоста» СССР на Балтике, а с другой – мысленно перенести город далеко в глубь страны и показать, что Калининград уже в допетровские времена был частью коренной русской земли. Поскольку, как признавал сам Навалихин, Калининград не имел «глубоких русских традиций»[\[35\]](#), надо было средствами архитектуры создать для него виртуальное русское прошлое.

Конечно, вскоре уже и в Калининграде пришлось признать, что подобные проекты были утопичны, потому что их нельзя было осуществить с наличествовавшими в то время ресурсами. Уже на первом собрании калининградских архитекторов осенью 1948 г. один из присутствующих констатировал: «Сплошное изменение ‚прусского лица города‘, о котором говорилось здесь, – малозаметный, недейственный и, подчас, невозможный метод».[\[36\]](#) Чтобы невзирая на недостаток средств «идейно и композиционно обогатить город, сделав его близким и понятным для советских людей», Навалихин предложил, во-первых, хотя бы фасады восстанавливаемых домов оформить в стиле сталинского ампира, а во-вторых, воздвигнуть множество монументов, дабы с их помощью выразить «новое русское социалистическое существо города» и в итоге «относительно малыми и экономными средствами добиться нового звучания его основных ансамблей, а вместе с ними и всего города».[\[37\]](#)

В ходе этих мероприятий Калининград был преобразован в образчик стандартной советской культуры: проспект Ленина превратился к концу 50-х годов в своего рода скромную триумфальную дорогу, ведущую от главного вокзала в южной части прежнего городского центра к новому административному комплексу в его северо-западной части. Вдоль неё были поставлены статуи Ленина, Сталина и Калинина, именем которого был назван город. Кроме того, Калининград обрел целый ряд памятников, связанных с историей региона. Бюсты русских полководцев А. В. Суворова и М. И. Кутузова призваны были служить мостиком в прошлое до 1945 г., подкрепляя тезис об «исконно славянской земле». В официальной пропаганде царские генералы предстали теперь передовыми борцами за «освобождение» «исконно славянской земли» Восточной Пруссии, которое в апреле 1945 г. было наконец завершено Красной Армией.[\[38\]](#)

Но постепенно царских военачальников вместе со всей остальной довоенной историей города отбуксировали на запасный путь памяти, а монументы погибшим на второй мировой войне советским солдатам вскоре стали полностью доминировать в мнемокультуре Калининграда. Уже в сентябре 1945 г. на одном из бастионов бывшей Кенигсбергской крепости был возведен первый памятник над братской могилой 1200 бойцов 11 Гвардейской Армии, погибших в боях.[\[39\]](#) К нему в последующие годы добавился ряд других монументов и мемориальных досок, которые, словно сеть, покрыли город и стали фундаментом управляемой мнемокультуры[\[40\]](#): например, в Краеведческом музее, основанном уже в 1946 г., «Восточно-Прусская операция» Красной Армии занимала такое большое место, что в первые годы своего существования музей назывался также «Музеем Отечественной войны 1941-1945 г.»[\[41\]](#) (за годы до 1991 добавились ещё только разделы «Доисторический период» и «Природа Калининградской области», а панорама уличных боев в апреле 1945 г. по сей день остается самым крупным экспонатом). Чтобы гарантировать нужный эффект от монументов и подкрепить его идеологически, музей организовывал экскурсии по местам боев за Кенигсберг и к могилам убитых советских солдат.[\[42\]](#) Экскурсии по городу для первых туристов, которые стали посещать Калининградскую область с начала 60-х годов[\[43\]](#), тоже в основном были ориентированы на эти памятники. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что значительную долю туристов составляли ветераны, которые сами участвовали в боях за город. Принимались, однако, меры к тому, чтобы визиты этих ветеранов не только удовлетворяли их личные потребности в оживлении воспоминаний, но и давали дополнительный эффект в плане укрепления самосознания горожан. Так, газета «Калининградская правда» в июне 1967 г. приводит слова женщины-ветерана, приехавшей в город: «Много погибло здесь наших товарищей. Но их смерть дала жизнь вашему прекрасному городу. За это можно было бороться и побеждать».[\[44\]](#)

Мемориалы взятия Кенигсберга стали, кроме того, важнейшим элементом калининградской праздничной культуры: всякий раз, когда открывался новый памятник или мемориальная доска, партийное руководство устраивало крупные торжества, посредством которых окружающее городское пространство наделялось новым значением, т.е. как бы заново форматировалось. Хотя на вид город оставался прежним, его символическое наполнение должно было радикально измениться в сознании людей, и он должен был сделаться одним из советских мест памяти. Примером такой церемонии может служить открытие мемориальной доски на кинотеатре «Победа» 8 апреля 1952 г., в канун седьмой годовщины взятия Кенигсберга. Торжественное мероприятие началось в 18 часов с речи секретаря Сталинградского райкома партии. Затем доска была открыта, после чего выступили несколько мастеров с вагоностроительного завода, с верфи и с рыбокомбината, рассказавшие

о том, что им довелось пережить во время боёв за бывшую столицу Восточной Пруссии. Таким способом интегрировались в официальную картину истории региона и контролировались даже личные воспоминания новопоселенцев. Церемония, в которой приняли участие около трёх тысяч человек, завершилась исполнением государственного гимна Советского Союза.[\[45\]](#)

Задачей мемориалов и музеев было создание советского места памяти «Калининград»: это особенно хорошо видно по тому, в какие дни возлагались венки и открывались тематические выставки, посвященные окончанию войны в регионе. Мероприятия такого рода приурочивались отнюдь не только к годовщинам взятия Кенигсберга Красной Армией. Так, по случаю десятой годовщины *образования* Калининградской области в 1956 г. в соответствии с решением обкома проводились не только обычные советские праздничные мероприятия – парады, демонстрации и т.д., – но и церемония с возложением венков и речами у памятника 1200 гвардейцам.[\[46\]](#) Ещё через десять лет, на двадцатилетие образования области, открылась новая экспозиция в областном музее, посвящённая воинским частям, участвовавшим в штурме Кенигсберга.[\[47\]](#) Созданная таким образом связка между взятием города, о котором напоминали мемориалы, и образованием Калининградской области призвана была стать основой советского мифа об основании Калининграда: завоевание *и* разрушение прежнего города выставлялись в качестве предпосылки и начала нового – Калининграда, который поднимался теперь, как феникс из пепла.[\[48\]](#)

3. Перелом

Эти попытки создания советского места памяти «Калининград» за счет перенесения сюда советской стандартной культуры, создания искусственного русского прошлого и распространения милитаристского мифа об основании города были, однако, в целом малоуспешны. Причин тому было главным образом две: во-первых, всеобщая неуверенность относительно будущего этого региона, а во-вторых, постоянные неудачи в деле восстановления города.

Обратимся сначала к первому пункту. В течении десятилетия по окончании войны многие Калининградцы были отнюдь не убеждены в том, что область навсегда останется за Россией, а не будет для них лишь временным пристанищем. После того, как правительственная комиссия во главе с А.Н.Косыгиным побывала в городе в 1947 г., среди населения поговаривали: «Косыгин сам убедился, что Калининграду помогать нужно, но, видно, боится это сделать, так со временем Калининград снова отойдет немцам».[\[49\]](#) Эта неуверенность относительно будущего области усиливалась за счёт широко распространенного в те годы

страха войны с западными странами. По региону то и дело прокатывались слухи, будто Запад вот-вот нападет на СССР и уже подготавливается эвакуация колхозов.[\[50\]](#) Подобные слухи ходили по всей стране – они возникали вследствие информационного вакуума и непрерывной военной пропаганды в советских средствах массовой информации.[\[51\]](#) Однако в Калининградской области эта боязнь войны имела особенно неблагоприятные последствия, ибо новопоселенцы по большей части рассматривали тот факт, что живут в «западном форпосте» СССР, не как почёт, а как угрозу для себя. Многие русские жители Калининграда не верили, что он теперь навсегда останется советским[\[52\]](#), и подумывали о том, как бы им быстрее всего покинуть область в случае новой войны. Из-за этого страха, говорила одна домохозяйка, чьи слова цитировались в письме обкома в ЦК, «нет желания оснавательно устраивать здесь свою жизнь и как-то невольно все время поглядываешь на Восток».[\[53\]](#) Многие новопоселенцы в первые послевоенные годы даже открыто признавались, что «они чувствуют себя здесь временными гостями», сообщалось в докладной записке обкома о настроениях в области за ноябрь 1946 г.[\[54\]](#) Напрасно партийное руководство возмущалось поведением функционеров, которые, работая в Калининграде, «душой» всё ещё пребывали в своих родных городах, где некоторые из них даже незаконно оставляли за собой жилплощадь. В январе 1950 г. III. Калининградская областная партконференция постановила: «Надо решительно кончать с такими 'чемоданными' настроениями, наносящими ущерб делу. Мы в Калининграде не гости. Мы приехали сюда трудиться и жить. Калининград – наш родной город».[\[55\]](#)

Однако в представлении многих новопоселенцев бывшая Восточная Пруссия оставалась личным военным трофеем Сталина, из-за чего после смерти диктатора среди населения области имели место панические настроения и некоторые калининградцы почли за лучшее на всякий случай уехать на несколько месяцев к родине вглубь Советского Союза, пока ситуация не прояснится.[\[56\]](#) Нанеся личный визит в Калининград 30 апреля 1956 г., новый руководитель партии и государства Никита Хрущёв постарался развеять опасения жителей, будто после смерти Сталина их город могут отдать обратно Германии. В речи на калининградском аэродроме он заверил население, что Калининградская область «есть и вечно будет нашей советской землёй!» Этого – с сегодняшней точки зрения само собой разумеющегося – заявления Хрущёва слушатели, по-видимому, с нетерпением ждали, поэтомуотреагировали на него «бурными аплодисментами».[\[57\]](#)

Однако неуверенность относительно будущего области охватила даже партийных функционеров: уже в мае 1947 г. второй секретарь Калининградского обкома П. А. Иванов сетовал в письме Сталину, что представители московских министерств явно рассматривают

бывшую Восточную Пруссию «в качестве оккупированной территории» и потому разграбляют её, вместо того, чтобы думать о том, как восстановить хозяйство региона. Иванов писал: «Город Калининград необходимо отнести к числу 15 городов, восстанавливаемых по особому решению правительства», поскольку весь центр его разрушен до основания.^[58] Но в Москве, по всей видимости, никогда не обсуждалось включение Калининграда в программу восстановления 15 городов: она, как подчёркивалось, была предназначена для русских городов, разрушенных немецкими оккупантами. То, что Калининград к этому числу не относили, говорит о том, что интерпретация его как города, освобожденного от немецкой «оккупации», в Советском Союзе была ещё не достаточно основательно усвоена.

Тем самым мы подходим ко второй причине, из-за которой место памяти «Калининград» никак не могло сформироваться: это неудавшееся восстановление города. Как показывает письмо Иванова, даже руководство Калининградской области стало сомневаться в решимости московского правительства превратить бывшую Восточную Пруссию в образцовый советский регион, как было обещано.^[59] Даже письмо Сталину мало что изменило. Скорее наоборот: вместо того, чтобы вкладывать средства в восстановление города, отчисления из центрального бюджета на эти цели для Калининграда уже в 1950 г. сократили сильнее, чем для других советских городов.^[60] Кроме того, вполне в духе такой политики, бывший Кенигсберг в первое послевоенное десятилетие часто использовался как каменоломня, из которой снабжались стройматериалами другие города, особенно Ленинград. В полном недоумении наблюдали жители Калининграда, как в октябре 1952 г. сносили не только руины, но даже несколько хорошо сохранившихся домов ради кирпичей, которые затем были увезены из города.^[61] К тому же оба кирпичных завода в области работали исключительно на «экспорт» вглубь Советского Союза, и первый секретарь Калининградского обкома В. Е. Чернышев жаловался в 1954 г. в Москве, что для восстановления самой области почти не оставалось ресурсов.^[62] Но никакие протесты не помогали: ещё и в 1964 г. главный архитектор города Владимир Ходаковский сетовал, что «Калининград остаётся единственным в стране сильно разрушенным крупным городом».^[63]

Зрелище разрушенных домов мало у кого теперь вызывало героические чувства. Так, один депутат горсовета в конце 1958 г. писал в «Калининградской правде», что люди в его избирательном округе хотят, чтобы Калининград был «без развалин и руин», оставшихся с войны. Мало радости доставляет местным жителям и то, что Калининград остаётся для советских кинорежиссеров излюбленным местом съёмок военных фильмов: «Пусть, заявляют рабочие, приезжают к нам на киносъёмки и москвичи, и минчане, но не для того,

чтобы искать в Калининграде ‚фронтные пейзажи‘, а для того, чтобы славить красоту нашего города-сада».[64] Советское начальство области прекрасно понимало, что затянувшееся восстановление Калининграда наносит урон авторитету коммунистического режима в глазах населения: «Полуразрушенное состояние областного центра создает у трудящихся области тяжелое впечатление, напоминает о годах войны», – писал председатель облисполкома Я. Прушинский в августе 1962 г. в своем письме в Совет Министров РСФСР. [65] Если тот же Прушинский несколько лет спустя утверждал, что кенигсбергский замок «послужит во вред формированию мировоззрения подрастающего поколения»[66], то прежде всего потому, что немецкие постройки делали очевидным все ещё низкий уровень жизни в послевоенном Калининграде и напоминали о том, что до войны город знал лучшие времена.

Поэтому «ждановщина» – борьба советского режима против «космополитизма» во второй половине 40-х годов – в Калининграде приобрела весьма специфическую направленность. Необходимо было пресечь распространенные среди новопоселенцев – особенно молодых – восторги по поводу «комфортабельных и уютных немецких квартир», которые в окраинных районах Калининграда зачастую не пострадали от войны. Эти восторги ещё имели так же мало отношения к какой бы то ни было отрефлектированной альтернативной мнемокультуре, как и любовь некоторых новопоселенцев к немецким офортам, которые они находили в покинутых квартирах и вешали на стену у себя дома – просто потому, что «красиво».[67] Такое отсутствие предубеждённости было, однако, предпосылкой для позднейшей переоценки немецкого прошлого и, тем самым, представляло угрозу для партийной монополии на интерпретации: ведь партия утверждала, что уровень жизни и культура быта в Германии были гораздо хуже, чем в СССР. Поэтому советскому населению необходимо было внушить, что советская культура – самая лучшая. Правда, в Калининграде это сделать оказалось нелегко. Ведь если в послевоенные годы даже так называемые «репатриированные» лица – т.е. возвращавшиеся из Германии бывшие советские военнопленные и угнанные на работы граждане – вызывали недоверие властей, так как были для соотечественников источником нефльтрованной информации о жизни за границами Советского Союза[68], то в Калининградской области вообще все новопоселенцы жили как бы в бывшей загранице и ежедневно могли наблюдать собственными глазами контраст между официальной пропагандой, говорившей о якобы плохих условиях жизни в капиталистических странах Западной Европы, и реальностью.[69]

Между собой сами советские правители открыто признавали, что Калининград по сравнению с довоенным Кенигсбергом являл собой жалкое зрелище: к 1948 г. новая городская

администрация уже знала, каков был в Кенигсберге до войны фонд жилой площади, сколько километров насчитывали трамвайные линии и сколько было кинотеатров.[\[70\]](#) Имея в виду эти довоенные параметры сравнения, главный архитектор города К. Хрусталёв в 1955 г. со вздохом констатировал на закрытом собрании калининградских архитекторов: «Всё это говорит о том, что нам придётся много работать, чтобы сделать город Калининград более красивым и лучше, чем он был у немцев».[\[71\]](#) В то время как в своих официальных высказываниях партийные функционеры Калининградской области славили успехи восстановления, в многочисленных секретных письмах московскому руководству они открыто приводили сравнения с показателями довоенного немецкого Кенигсберга, указывая, например, что жилой фонд в нем был в шесть раз больше, чем в нынешнем Калининграде.
[\[72\]](#)

Таким образом, становится понятно, как благодаря неуспеху восстановительной деятельности изменилось виденье немецкого прошлого Калининграда, и как переменяло своё значение место памяти «Кенигсберг»: в течение 50-х годов бывшая столица Восточной Пруссии превратилась из «злого города», подлежащего уничтожению, в мерило для социалистического Калининграда. Но только с началом «оттепели» после «закрытого доклада» Хрущёва на XX съезде КПСС в 1956 г. об этой переоценке, которая подспудно уже давно свершилась, стало можно говорить открыто. В 1957 г. Хрусталёв в «Калининградской правде» первый раз признал, не тая, что старый центр Кенигсберга до войны был застроен «красивыми, многоэтажными» зданиями, в то время как нынешний Калининград вовсе не имеет центра.[\[73\]](#)

Процесс утраты местом памяти «Кенигсберг» (или «Восточная Пруссия») своей негативной коннотации становится особенно наглядно виден, если проанализировать различные списки памятников Калининградской области, которые стали барометром перемен духа времени. Если в списках 1949 и 1950 гг. перечислены прежде всего мемориалы Великой Отечественной войны[\[74\]](#), то в последующие годы произошли примечательные перемены: когда облисполком в октябре 1957 г. принял новый список памятников Калининградской области, почти все военные монументы из перечня исчезли. Словно на незримых весах, значение этих мемориалов уменьшилось, в то время как ценность немецких – возросла. В списке теперь вместо советских памятников числились все городские ворота старого Кенигсберга, несколько церквей, развалины собора и биржи в самом центре города.[\[75\]](#) Когда в 1959 г. публиковали в «Калининградской правде» новый вариант списка охраняемых государством памятников культуры области, пошли даже ещё на шаг дальше: впервые со времён переименований 1946-47 гг. были указаны исторические немецкие названия

населенных пунктов, в которых стояли охраняемые постройки, а к последним причислялись теперь ещё несколько замков Тевтонского ордена и средневековых церквей. Новые русские названия были даны лишь в качестве дополнения, в скобках.^[76] Вместе с названиями этим местам была возвращена часть их прошлого.

В то время как немецкое наследие, а значит и место памяти «Кенигсберг» получало теперь официальную положительную оценку, военные мемориалы – основа для советского места памяти «Калининград» – всё больше отторгались. Широкие слои населения не приняли эти предлагаемые и контролируемые сверху точки самоидентификации, и они приходили повсеместно в запущенное состояние. Так, посетив город в апреле 1967 г., один из участников штурма Кенигсберга с возмущением писал в газету «Красная звезда» что среди местных жителей царит полное безразличие по отношению к памятникам войны; мемориальные комплексы по большей части покрыты грязью, а на территории одного из них даже разбит огород. В агитотделе горкома с ним согласились, сказав, «что положение с памятниками и могилами действительно не нормальное и что венков мало, что их наверно ‚растаскивают‘, что придется ставить пост – и это в Калининграде».^[77] Подобную критику уже высказывало за несколько месяцев до этого областное отделение Общества охраны памятников, констатировавшее, в частности, что в Калининграде даже те памятники, к которым водят экскурсии и на которых фактически строятся экскурсионные программы, пребывают в весьма запущенном состоянии. Так, например, бункер, в котором генерал Отто Лаш подписал капитуляцию, превращён в место, «куда дворники сбрасывают мусор». Поэтому несмотря на все усилия экскурсоводов первое, что бросается в глаза экскурсантам, – это равнодушное отношение к историческим памятникам; это касается даже «святая-святых для советского человека» – памятников Великой Отечественной войны. Таким образом получается, что экскурсии не достигают своей цели, говорилось в заключении отчета Общества.^[78]

Тот факт, что мемориалы в честь Великой Отечественной войны, за несколькими исключениями, исчезли из официального списка памятников, а у калининградцев выработалось весьма пренебрежительное отношение к ним, показывает, что официальная мнемокультура не отвечала потребностям новопоселенцев, которые не желали более, чтобы им на каждом шагу напоминали о войне. Поскольку центр города до середины 60-х гг. все ещё представлял собой сплошные развалины, фактически сбылась фантазия главного архитектора Навалихина, хотевшего когда-то превратить весь Калининград в один большой памятник второй мировой войне; правда, произошло это не в той форме, в какой он себе это представлял: состояние города в эти годы больше напоминало об ужасах войны, нежели о

плодах победы. Новые жители уже не могли принять миф о разрушении Кенигсберга как рождении советского Калининграда, ибо советский феникс все ещё не восстал из прусского пепла.

Такая переоценка прошлого Калининграда имела последствия, которые не могли не вызвать в самом скором времени решительное сопротивление со стороны КПСС. В середине 60-х гг. спор по вопросу о том, сносить ли руины Кенигсбергского замка, как было постановлено вскоре после окончания войны, разгорелся до масштабов публичной дискуссии по поводу проводившейся дотоле исторической политики. Вплоть до конца 50-х гг. решение о сносе развалин замка никогда не подвергалось сомнению, ибо замок, как никакое другое сооружение, был в глазах партийного начальства воплощением прусского милитаризма. После взятия города газета «Правда» описывала кенигсбергский замок как место едва ли не мифическое: «В центре столицы – цитадель, остроконечный камень чудовищных размеров, в котором просверлены, высечены, выдолблены галереи, ходы, казематы. Они уходят глубоко под землю».^[79] Поэтому снос данного сооружения рассматривался как кульминация и завершение кампании по изгнанию «прусского духа» и советизации области.

К этому добавлялись и ссылки на столицу СССР: те, кто стремились преобразовать Калининград по её образцу, указывали на то, что, как в Москве снесли воплощение царизма – Храм Христа Спасителя, – чтобы на его месте строить гигантский Дворец Советов^[80], так и в Калининграде надо вместо бывшего тевтонского замка построить Дом Советов. В действительности же Калининград последовал примеру Москвы только в смысле неудачи этой затеи: после того, как в ходе десталинизации планы строительства московского Дворца Советов были в 1957 г. окончательно сданы в архив, не осталось никакого фундамента и для планов Навалихина, так как ориентироваться стало не на что.

Если первое поколение калининградских архитекторов в послевоенное десятилетие часто выступало с проектами, предусматривавшими полное уничтожение всех произведений немецкого зодчества,^[81] то второе поколение превратилось в поборников охраны памятников. В частности, назначенный в 1961 г. главным архитектором Калининграда Владимир Ходаковский призывал сохранить руины замка и создать в его стенах культурный центр с рестораном и кафе.^[82] Из его статей в местной прессе видно, что свою борьбу за сохранение замка и против строительства монументального Дома Советов Ходаковский понимал и как политическую инициативу: «Всестороннее развертывание и совершенствование социалистической демократии», писал он, делает излишними такие крупные административные здания, какие проектировались в 50-е гг.^[83] Таким образом спор

по поводу будущего цитадели сплетался с возникшими с хрущёвской «оттепелью» политическими надеждами на либерализацию общественной жизни. Ведь предложения Ходаковского фактически означали, что КПСС будет вытеснена со своего символического центрального места в городском организме: вместо того, чтобы стать местом праздничных демонстраций и инсценированных партийных мероприятий, центр города должен был превратиться в место встречи для горожан – элемент гражданского общества.

Выдвигая предложение сохранить замок, Ходаковский мог рассчитывать на широкую поддержку населения: развалины, которые долгие годы запрещалось изображать, превратились к тому времени в признанную достопримечательность города, на фоне которой фотографировались выпускные классы калининградских школ. Снимки руин были помещены и в новой брошюре о Калининграде[84], и даже на страницах газеты «Калининградская правда», где до 1961 г. никакие изображения этого замка никогда не публиковались.[85] Одновременно – тоже впервые после окончания войны – стали появляться самостоятельные публикации, в которых рассказывалось как о довоенной истории области, так и о постройках того времени. Наряду с уже упоминавшимся путеводителем 1959 г. в этой связи следует назвать прежде всего путеводитель «Путешествуйте по Калининградской области» 1961 г.[86], в котором несколько страниц занимают факты из истории замка, замалчивавшиеся на протяжении многих лет.[87]

Партийные функционеры в Калининграде, таким образом, все больше утрачивали контроль над настроениями общественности. Апогей этого процесса был достигнут в марте 1964 г., когда Ходаковскому удалось провести конференцию на тему будущего замка. На конференции выступали противники и сторонники сноса развалин, и фактически, таким образом, обсуждалась проводившаяся до тех пор в Калининграде историческая политика. В своем выступлении Ходаковский заявил, что снос замка был бы, может быть, оправдан сразу после войны, однако «сейчас, спустя почти 20 лет после окончания войны, на эти вещи следует смотреть иначе».[88] Эта ссылка на войну показывает, что спор о замке был одновременно и конфликтом поколений: в то время как многие первопоселенцы дистанцировались от немецкой истории Калининграда по биографическим мотивам, те жители города, которые родились или приехали позже, уже не связывали памятники довоенного прошлого напрямую с войной. Вскоре после победы органы госбезопасности констатировали, что именно молодые комсомольцы больше всех восхищались немецкими «достопримечательностями» Калининграда, говоря, что те ничем не хуже сталинградских.[89] Для молодого поколения они были частью привычного окружения: родившись «под готическими крышами», юные калининградцы делали свои «первые шаги под готическими

сводами» и лазили «детьми по подвалам всех ещё не разрушенных фортов и замков в округе», как писал в 1988 г. в московском самиздатовском журнале «Референдум» калининградский диссидент Вадим Храппа.^[90] В среде младшего поколения, таким образом, сформировался определенный локальный патриотизм, который был связан именно со следами немецкой истории, ибо они делали малую родину этих людей непохожей на остальные регионы Советского Союза. Именно на это чувство и сделал ставку Ходаковский, когда в конце своего выступления на собрании 1964 г. призвал присутствующих задуматься над тем, «обязательно ли в центре любого города сооружение нового Дворца Советов».^[91]

Кроме того, противники сноса замка попытались бороться с партией её же оружием: они ссылались на те факты, которые само партийное начальство в послевоенные годы запустило в оборот с целью доказать, что Калининградская область на самом деле всегда была русской землей. Информация о посещении замка Петром Великим во время поездки в Западную Европу, о годах, когда губернатором Восточной Пруссии был Суворов, о проходившем в замке судебном процессе против немецких социал-демократов, провозивших в Россию ленинскую газету «Искра», – все это использовалось теперь для того, чтобы объявить руины частью собственного, неприкосновенного наследия.^[92]

Разумеется, такая аргументация демонстрировала и ограниченность этой «альтернативной» мнемокультуры, потому что реальных «альтернатив» в связи с обсуждаемым вопросом не предлагалось: противники сноса замка уже тогда не выходили за те рамки, что были заданы партией. Ссылаться на немецкое прошлое по-прежнему не разрешалось, как не допускалась и неконтролируемая мнемокультура «снизу». (Лишь в 80-е годы группе молодых историков удалось опросить первых советских жителей города не только о том, что те пережили при взятии Кенигсберга, но также, например, и о встречах с немцами в послевоенном Калининграде.^[93]) Таким образом, хотя руины замка и попадали на школьные фотографии, они по большей части были обречены на немолчу. Парадоксальная ситуация: вид на замок стал привычным для калининградцев, однако их прошлое по-прежнему оставалось окутано тайной.

Защитники развалин в конце концов не достигли успеха, даже пойдя на уступки партийно-официальной мнемокультуре: хотя Минкульт РСФСР в 1964 г. встал на их сторону, со смещением Хрущёва и последовавшим за ним политическим откатом кончилось то время, когда власти толерантно относились к политически незашоренному обращению с наследием немецкого прошлого. После того как в сентябре 1965 г. второе собрание по вопросу развалин замка снова постановило, что сооружение следует сохранить^[94], политическое руководство области решило как можно скорее сделать задуманное свершившимся фактом. В

конце 1965 г. калининградский партийный секретарь Николай Коновалов добился резолюции Брежнева о сносе замка. В 1969 г. последние остатки взорванных руин были убраны.[\[95\]](#)

4. Город без прошлого

Неуступчивость коммунистического начальства в вопросе о замке объясняется, во-первых, тем, что оно увидело угрозу для своей монополии на истолкование прошлого и поняло, что всякая уступка в этом вопросе поставит под вопрос претензии партии на руководящую роль. Замок стал почти что символом определенной региональной мнемокультуры, которая отличалась от советской стандартной культуры тем, что была открыта для несоветского и нерусского прошлого. Именно на это реагировала КПСС, представившая общественности в 1966 г. новый проект Дома Советов: на месте замка должен был быть построен близнец такого дома, стоявшего в городе Пермь.[\[96\]](#) Здание подобного вида в самом деле могло бы стоять «в любом советском городе» – и в этом-то и заключался, очевидно, смысл публикации. На месте замка должно было возникнуть нечто иное, однако планируемое новое здание должно было отличаться отсутствием какой бы то ни было связи с этим местом. Возвращаясь к «омосковлению», характерному для архитектурной политики первых послевоенных лет, планировщики собирались перед входом в новый Дом Советов взгромоздить трибуну, с которой партийные руководители области принимали бы праздничные парады, и трибуна эта была копией мавзолея Ленина.

В брежневскую эпоху снова стали полностью замалчивать немецкое прошлое – а вместе с ним и те «русские периоды» истории Восточной Пруссии, к которым должна была примыкать новая история региона. Так, например, памятник Суворову, воздвигнутый когда-то на площади перед руинами замка, после сноса последнего отправился на склад, а лет десять спустя был установлен снова на далекой окраинной площади: останься он на прежнем месте, он был бы постоянным напоминанием о взорванных руинах. Путеводитель 1961 г., в котором история замка была изложена весьма подробно, после 1966 г. исчез из библиотек области; изданный в 1967 г. новый путеводитель, где уже ничего не говорилось о замке, зато описывались история средневекового собора в центре города и пристроенный к нему мавзолей Канта, так и не поступил в продажу.[\[97\]](#)

Правда, попытки создать идеологически правильное прошлое тоже были теперь практически оставлены: похоже, в свете неудачного опыта калининградские партийные функционеры стали с подозрением относиться к любым историческим реминисценциям. И это, парадоксальным образом, в конце концов распространилось даже на советскую историю

области: довольно быстро партия наложила табу на столько аспектов послевоенного прошлого города, что проще было, как установила после 1991 г. одна российская исследовательница, перечислить те темы, которые разрешалось разрабатывать, чем те, изучение которых было запрещено.^[98] Когда в 1984 г. вышел первый (!) учебник по региональной истории, он получил неприметное название «История области (1945 – 1950)». Планировавшийся исходно заголовок «История Калининградской области» был заменен по указанию цензурного ведомства *Главлит*, чтобы не привлекать слишком большого внимания к этой тематике.^[99] Воспоминание о взятии Кенигсберга в апреле 1945 г. надолго, до 1991 г., осталось абсолютно господствующей вехой для официальной советской исторической политики, о чем говорит хотя бы уже тот факт, что большинство памятников, воздвигнутых после 1970 г., посвящено второй мировой войне.

Таким образом, интеграция чуждого городского ландшафта Кенигсберга в ландшафт памяти Калининграда прошла на протяжении послевоенных десятилетий несколько различных стадий: сначала немецкий Кенигсберг и его материальные памятники проклинали, затем довоенную историю почти полностью вытесняли из памяти и пытались средствами архитектуры создать в городе виртуальное, русско-советское прошлое, чтобы образовать новое советское место памяти «Калининград». Центральную роль при этом играло взятие города частями Красной Армии в апреле 1945 г. Это событие выступало в роли мифа об основании Калининграда, который должен был постоянно присутствовать в облике города благодаря многочисленным мемориалам. Но военные монументы стали одновременно и памятниками неудачи этой попытки создания советского места памяти «Калининград» архитектурными средствами. После того, как потерпели крах изначальные планы реконструировать Калининград в виде уменьшенной копии Москвы, представления жителей о городе предполагалось по крайней мере регулировать с помощью множества монументов, но восстановление Калининграда затягивалось, и потому довоенный Кенигсберг постепенно все больше превращался в своего рода ретроспективное обетование: немецкое место памяти «Кенигсберг» стало обозначать то обещание, которое не смогло исполнить советское место памяти «Калининград». К тому же подрастающее поколение уже не ощущало той чужести по отношению к этому региону, которая была характерна для новопоселенцев в послевоенные годы, так что в условиях политической либерализации, наступившей в СССР в конце 50-х гг., стали наблюдаться тенденции к переоценке немецкой истории города. Теперь новые жители Калининграда все больше стали рассматривать – и отстаивать – её как часть своего собственного наследия. Но с окончанием хрущёвской эпохи возможность публично высказывать такие альтернативные взгляды на прошлое города исчезла. Дискуссия по поводу сохранения руин замка, таким образом, стала одновременно и наивысшей, и переломной

точкой в этом процессе, который в конце концов пришел снова к официальному игнорированию места памяти «Кенигсберг».

Благодаря тому, что как довоенное, так и послевоенное прошлое Калининграда было в значительной мере табуировано, он вплоть до 1991 г. оставался городом без прошлого. Его жителям после распада Советского Союза приходилось по крупицам усваивать даже знание о советском периоде истории региона. Поэтому, строго говоря, в последние два десятилетия не существовало ни места памяти «Кенигсберг», ни места памяти «Калининград». Только в рамках чествования Иммануила Канта начиная с середины 70-х гг. небольшому кругу энтузиастов, создавших в Калининградском университете маленький музей философа, удавалось в ограниченном объеме заниматься довоенным прошлым города, поскольку Канта объявили одним из основоположников марксизма-ленинизма.

После открытия области в 1991 г., когда калининградцы получили возможность изучать и довоенную, и послевоенную историю своего региона, наступил короткий период эйфории, но вскоре дали о себе знать последствия возобновившейся в связи с распадом СССР неуверенности по поводу будущего области. По горькой иронии истории Калининградская область с 1991 г. находится в положении, поразительно напоминающем то, в каком пребывала Восточная Пруссия в межвоенные десятилетия: сегодня, как и после 1919 г., регион этот отделен от остальной территории государства «коридором», курсирующие между ним и столицей транзитные поезда идут по чужой территории и некоторое время многие беспокоились насчет нерушимости его границ.[\[100\]](#)

Щекотливый конфликт по поводу прошлого бывшей столицы Восточной Пруссии и её мест памяти далеко ещё не закончен: новейшим свидетельством тому – спор, возникший вокруг запланированных на 2005 г. торжеств по случаю 750-летия Кенигсберга. В марте 2003 г. президентская администрация в Москве заявила, что нет никаких причин праздновать юбилей «несуществующего немецкого города». Только в ноябре Владимир Путин принял трудное решение: отметить как 750-летие города Кенигсберга в 2005 г., так и 60-летие создания Калининградской области в 2006 г.[\[101\]](#) Это можно было бы расценить как проявление плюрализма в подходе к прошлому региона, если бы по поводу этого прошлого не велась вновь столь ожесточенная борьба: Кенигсберг/Калининград все ещё остается городом, у которого два прошлых, порой четко отделенных друг от друга. На примере строек, идущих в сегодняшнем Калининграде, можно видеть, как возобновляется конкуренция мест памяти: в то время как на острове Кнайпхоф в центре города, напротив руины незаконченного Дома Советов, близится к концу восстановление собора, рядом с Северным вокзалом, который Навалихин когда-то хотел украсить кремлёвской башней, строится копия

московского храма Христа-Спасителя.

Abstract:

В статье описываются попытки коммунистических властителей после 1945 г. не только поселить в некогда немецком Кенигсберге новых жителей, но и придать городу архитектурными средствами новое прошлое: чтобы ускорить интерграцию города в советское государство, создавалось советское место памяти «Калининград». Для этого взятие Кенигсберга частями Красной Армии в апреле 1945 г. было мифологизировано как момент рождения «нового» города. Затянувшееся восстановление стало причиной краха этих планов, потому что место памяти «Кенигсберг», изначально имевшее негативные коннотации, с течением времени превратилось для новопоселенцев в своего рода ретроспективное обещание.

This article deals with the attempts of the communist rulers, to not only resettle the formerly German Königsberg after 1945 with a new, Soviet population, but also to create a new, Soviet history for the city with architectural means: In order to accelerate Kaliningrad's integration in the Soviet Union the city had to be transformed into a Soviet *lieu de memoire*. In this context the capture of Königsberg by the Red Army in April 1945 was the source for the foundation myth of the „new“ city. The slow reconstruction, however, led to a failure of these plans, as the new inhabitants transformed the initially negatively connotated *lieu de memoire* Königsberg into some kind of ‚retrospective promise‘ – now Königsberg became a positive model for Soviet Kaliningrad.

[1] Такой тезис выдвигается в кн.: B. Anderson. Die Erfindung der Nation. Zur Karriere eines folgenreichen Konzepts. Frankfurt/M., 1996.

[2] Halbwachs M. Das Gedächtnis und seine sozialen Bedingungen. Frankfurt/Main, 1985. S. 200 (французское первое издание Halbwachs M. Les cadres sociaux de la mémoire. Paris : Félix Alcan, 1925. Collection Les Travaux de l'Année sociologique.). Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1999.

[3] Иванов А. Кенигсберг, справка // Правда. 1945, 11 апреля.

[4] Величко В. Падение Кенигсберга // Правда. 1945, 13 апреля.

[5] Калининградская Область // Калининградская правда. 1948, 17 ноября.

[6] Примеры того, как писали о Берлине газеты союзников, см. в кн.: Berlin 1945 / Hg. von R. Rürup. Berlin, 1995. S. 59f.

- [7] Эту мысль Сталин впервые высказал ещё в кремлевском бункере 21 сентября 1941 г.: «Когда мы победим, мы возвратим Восточную Пруссию славянству, которому она, в конце концов, и принадлежит. Заселим её славянами». Цит. по: Georgi Dimitroff, Tagebücher 1933-1943 / Hg. von B. Bayerlein. Berlin, 2000. Bd. 1. S. 424.
- [8] Тянь Д. Советский город Калининград // Калининградская правда. 1947, 7 ноября. Похожие высказывания см.: Щербаков В. В. Сталинская программа хозяйственного и культурного строительства Калининградской области. Калининград, 1947.
- [9] Западный форпост нашей Родины // Калининградская правда. 1948, 2 ноября.
- [10] Отчет о работе лекторской группы обкома за 1947 год. Цит. по: Костяшов Ю. Изгнание прусского духа. Как формировалось историческое сознание населения Калининградской области в послевоенные годы (Terra Baltica. Т. 3). Калининград, 2003. С. 32.
- [11] Костяшов Ю. Ук. соч. С. 32-36.
- [12] Там же. С. 36-41, 53-62.
- [13] Бутовская С. Калининград, иллюстрированный очерк. Калининград, 1959. Ср.: Matthes E. Verbotene Erinnerung, Die Wiederentdeckung der ostpreußischen Geschichte und regionales Bewusstsein im Gebiet Kaliningrad, 1945-2001 // Osteuropa, Zeitschrift für Gegenwartsfragen des Ostens. 2001. Bd. 51. S. 1350-1390.
- [14] Государственный Архив Калининградской области (ГАКО), Ф. 520. Отдел по делам строительства и архитектуры Калининградского облисполкома. Оп. 1. Д. 12. Отчет заведующего отделом по делам строительства и архитектуры Дмитрия Тяня, июнь 1946. Л.1-2.
- [15] Дыховичная Н. Строить по-новому, по-советски // Калининградская правда. 1947, 9 октября.
- [16] Навалихин Д. К вопросу реконструкции центра города Калининграда / Автореферат диссертации. Москва, 1958. Т. 1. С. 27, 33.
- [17] См. данные в: Навалихин Д. Ук. соч. Т. 1. С. 35 – 37.
- [18] На Западе – нет больше Восточной Пруссии! // Калининград. Литературно-художественный и общественно-политический сборник. Калининград, 1951. С. 3 – 14, здесь: С. 14.
- [19] ГАКО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 2. Докладная Записка по вопросу восстановления и реконструкции гор. Кенигсберга, Тимохин (главный архитектор Облкомхоза). Июнь 1946. Л. 1-2
- [20] Цит. по: Костяшов Ю. Ук. соч. С. 22.
- [21] Так утверждал начальник городской милиции в декабре 1946 г. Цит. по: Костяшов Ю. Ук. соч. С. 23.
- [22] Костяшов Ю. Выселение немцев Калининградской области в послевоенные годы // Вопросы истории. 1994. №. 6. С. 186-188; Его же. Заселение Калининградской области после второй мировой войны // Гуманитарная наука в России. Соросовские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография. 1996. Т. 2. С. 82-88.
- [23] Falk L. Ich blieb in Königsberg, Tagebuchblätter aus dunklen Nachkriegsjahren. München, 1965. S. 118. Wieck M. Zeugnis vom Untergang Königsbergs, Ein «Geltungsjude» berichtet.

Heidelberg, 1988. S. 273.

[24] Овсянов А. П. Кенигсберг-Калининград в документах закрытых фондов архива // Калининградские Архивы. 1998. Выпуск 1. С. 34-36.

[25] Костяшов Ю. Изгнание прусского духа. С. 62 сл.

[26] Криворучка И. Е. Кампания переименований 1946-1947 годов // Калининградские Архивы. 1998. Выпуск 1. С. 90-106. Похожая кампания имела место после 1945 г. в Силезии – см.: Thum G. Die fremde Stadt, Breslau 1945. Berlin, 2003.

[27] Дыховичная Н. Неотложные вопросы восстановления и планировки Калининграда // Калининградская правда. 1947, 30 июля.

[28] Тянь Д. Советский город Калининград // Калининградская правда. 1947. 7 ноября.

[29] ГАКО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 8. Корнфельд Я. А. Заключение по детальному проекту застройки Сталинградского проспекта в г. Калининграде, 2 декабря 1949 г. Л. 13 – 16.

[30] Тянь Д. Советский город Калининград.

[31] Навалихин Д. К вопросу реконструкции центра города Калининграда. С. 175 сл. и 183 – 185.

[32] Day A. Building Socialism, The Politics of Soviet Cityscape in the Stalin-era / Ph.D. dissertation; Columbia-University, 1997.

[33] Qualls K. D. Local-Outsider Negotiations in Postwar Sevastopol's Reconstruction, 1944-1953 // Provincial Landscapes, Local Dimensions of Soviet Power, 1917-1953 / Ed. by Donald J. Raleigh. Pittsburgh, 2001. P. 276-298.

[34] Возродим родной город // Калининградская правда. 1950, 7 апреля.

[35] Навалихин Д. К вопросу реконструкции центра города Калининграда. Т. 1. С. 164.

[36] ГАКО. Ф. 522. Управление главного архитектора. Отдел по делам строительства и архитектуры Калининградского горисполкома. Оп. 1. Д. 3. Протокол первого общего собрания архитекторов города Калининграда 8 сентября 1948 г. Л. 2.

[37] Навалихин Д. К вопросу реконструкции центра города Калининграда. Т. 1. С. 174-175.

[38] Суворов в Кенигсберге // Калининградская правда. 1950, 17 мая.

[39] Budrys S. Pergales Monumentas Kaliningrade. Vilnius, 1965.

[40] Калининград. Справочник, путеводитель / Сост. А. П. Михайлова. Калининград, 1983. С. 239-240, и: Страницы памяти. 40-летию Калининградской области посвящается / Сост. Э. М. Колганова. Калининград, 1986. С. 111-114.

[41] ГАКО. Ф. 289. Калининградский (Кенигсбергский) областной отдел культурно-просветительской работы. Оп. 8. Д. 27. Отчет заместителя заведующего областным отделом культурно-просветительской работы А. Бондерева за ноябрь 1952 г. Л. 17 – 21; Костяшов Ю. Изгнание прусского духа. С. 38.

[42] ГАКО. Ф. 289. Оп. 8. Д. 24. Отчет старшего инспектора Отдела охраны памятников при Совете Министров РСФСР А. Копыловой (без даты, конец 1951 г.). Л. 1 – 10.

[43] Город встречает гостей // Калининградская правда. 1963, 10 июля.

[44] Калининград глазами гостей // Калининградская правда. 1967, 21 июня.

- [45] ГАКО. Ф. 289. Оп. 8. Д. 27. Отчет заведующего отделом культурно-просветительской работы Калининградского облисполкома М. Казарина от 14 апреля 1952 г. Л. 4-5.
- [46] Центр хранения и изучения документов новейшей истории Калининградской области (ЦХИДНИКО). Ф. 1. Областной комитет ВКП(б)/КПСС. Оп. 18. Д. 55. Письмо секретаря Калининградского обкома Василия Чернышева в ЦК КПСС от 28 декабря 1955 г. Л. 59.
- [47] ГАКО. Ф. 289. Оп. 8. Д. 1913. Письмо заместителя председателя облисполкома Богданчикова в Главное Политуправление Советской Армии от 11 марта 1966 г. Л. 25.
- [48] Навалихин Д. На развалинах Кенигсберга построим социалистический Калининград // Калининградская правда. 1948, 15 мая
- [49] ЦХИДНИКО. Ф.1. Оп. 1. Д. 58. Письмо Щербакова в ЦК ВКП(б) от 6 июля 1947. Л. 3-4.
- [50] Там же. Л. 3 – 4.
- [51] Zubkova E. Russia after the War, Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945-1957. N. Y., 1998. P. 83-84; а также см. документы в: Советская жизнь, 1945-1953 / Сост. Зубкова Е. Ю, Кошелева Л. П., Кузнецова Г. А., Минюк А. И., Роговая Л. А. М., 2003. С. 611-638.
- [52] Город меняет облик // Калининградская правда. 1947, 13 июня.
- [53] ЦХИДНИКО. Ф.1. Оп. 1. Д. 58. Письмо Щербакова в ЦК ВКП(б) от 6 июля 1947. Л. 3-4.
- [54] Отчет о настроениях в новооснованных колхозах Калининградской области за ноябрь 1946 г. Цит. по: Костяшов Ю. Ук. соч. С. 26.
- [55] III Калининградская городская партийная конференция // Калининградская правда. 1950, 31 января.
- [56] Воспоминания Александры Митрофановой в кн.: Matthes E. Als Russe in Ostpreussen. Sowjetische Umsiedler über ihren Neubeginn in Königsberg/Kaliningrad nach 1945. Ostfildern, 1999 S. 377.
- [57] Энергия М. Колганова. Путешествие по Калининградской области. Калининград, 1961. С. 13.
- [58] ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62. Письмо первого секретаря обкома ВКП(б) Ю.П.Иванова Сталину от 28 мая 1947 г. Л. 4 – 9. Об упоминаемом указе см: Белов И. Поднятые из руин. Исторические очерки восстановления и развития старейших городов России. М., 1966. С. 116 – 118.
- [59] Так пишет в своем письме Щербаков: С. 5.
- [60] ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 83. Письмо первого секретаря Калининградского обкома ВКП(б) В. Щербакова и председателя облисполкома А. Егорова в ЦК ВКП(б) от 23 ноября 1950 г. Л. 25 – 27.
- [61] О благоустройстве Калининграда // Калининградская правда. 1952, 24 октября.
- [62] ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Письмо первого секретаря Калининградского обкома ВКП(б) В.Е.Чернышева в Совет Министров СССР от 29 сентября 1954 г. Л. 46-47.
- [63] Доклад главного архитектора города Калининграда тов. Ходаковского В.В. // Материалы совещания по проектированию центра города Калининграда. Совещание состоялось 26 – 27 марта 1964 в г. Калининграде. Калининград, 1964. С. 3.

[64] Рыженко П. Пожелания родному Калининграду // Калининградская правда. 1958, 30 декабря. Не взирая на эти пожелания, за последующие десять лет в Калининграде была снята ещё как минимум дюжина фильмов про войну. Самые известные из них - «Судьба человека» С. Бондарчука (1959), «Отец солдата» Р. Чхеидзе (1964) и «Весна на Одере» Л. Саакова (1967).

[65] ГАКО. Ф. 297. Оп. 8. Д. 593. Копия письма председателя Калининградского облисполкома Я. Прушинского в Совет Министров РСФСР от 10 августа 1962 г. Л. 158.

[66] ГАКО. Ф. 297. Оп. 8. Д. 1780. Копия письма председателя Калининградского облисполкома Я. Прушинского в Министерство культуры РСФСР от 6 ноября 1965 г. Л. 19 – 21.

[67] Костяшов Ю. Ук. соч. С. 62-72.

[68] Зубкова Е. Послевоенное советское общество. Политика и повседневность, 1945-1953. М., 2000. С. 37-40.

[69] См. соответствующие отчеты в: Matthes, Als Russe in Ostpreußen.

[70] Отчет первого секретаря Калининградского горкома И. Матусова Центральному Комитету ВКП(б) за июнь 1948, воспроизведен в ст.: Макарева Н. Г. Кенигсберг-Калининград. Из фондов ЦХИДНИКО // Калининградские Архивы. 2001. Выпуск. 3. С. 204-226.

[71] ГАКО. Ф. 135. Калининградское отделение Союза Архитекторов СССР. Оп. 1. Д. 19. Протокол общего собрания членов Калининградской секции Союза Архитекторов СССР 30 июля 1955 г., Л. 60.

[72] Примеры: ГАКО. Ф. 297. Оп. 8. Д. 593. Письмо облисполкома в Совет Министров РСФСР от 13 апреля 1956. Л. 17; ЦХИДНИКО. Ф. 1. Оп. 32. Д. 86. Письмо первого секретаря Калининградского обкома ВКП(б) Ф. Маркова и председателя облисполкома З. Слайковского в ЦК КПСС от 8 апреля 1960 г. Л. 6 – 8; ГАКО. Ф. 522. Оп. 1. Д. 133. Письмо председателя горисполкома Н. Лошкарева в Госстрой РСФСР от 1 декабря 1964 г. Л. 1-2.

[73] Хрусталева К. Застроим центральные магистрали города // Калининградская правда. 1957, 2 октября.

[74] ГАКО. Ф. 297. Оп. 7. Д. 263. Л. 1 – 4. Список признанных облисполкомом памятников Калининградской области, ноябрь 1949. Л. 1 – 4; и ГАКО. Ф. 289. Оп. 8. Д. 18. Список признанных облисполкомом памятников Калининградской области, 24 февраля 1950 г. Л. 1 – 5.

[75] ГАКО. Ф. 68. Управление культуры Калининградского облисполкома. Оп. 2. Д. 6. Список признанных облисполкомом памятников Калининградской области, 2 октября 1957. Л. 17 – 23.

[76] Сохранить памятники культуры! // Калининградская правда. 1959, 28 октября.

[77] ГАКО. Ф. 297. Оп. 8. Д. 2039. Письмо Г. Маркова в редакцию газеты «Красная звезда». Без даты, апрель 1967 г. Л. 7-9.

[78] ГАКО. Ф. 615. Калининградское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Оп. 1. Д. 4. Отчет Калининградского отделения ВООПИК о состоянии памятников в области. Без даты, конец 1966 г. Л. 21 –

25.

- [79] Величко В. Падение Кенигсберга // Правда. 1945, 13 апреля.
- [80] Schlögel K. Moskau – offene Stadt. Eine europäische Metropole. Reinbeck, 1992. S. 116 – 131.
- [81] Hoppe B. Auf den Trümmern von Königsberg, Kaliningrad 1946-1970. München, 2000.
- [82] Ходаковский В. Центр Калининграда // Калининградская правда. 1961, 20 сентября.
- [83] Ходаковский В. Ленинский проспект // Калининградская правда. 1963, 17 ноября.
- [84] Калининград / Сост. И. Малкова. Калининград, 1964. С. 6.
- [85] Пример: Калининградская правда. 1964, 11 июля.
- [86] Колганова Э., Колганов И., Иванов Ю. Путешествуйте по Калининградской области. Калининград, 1961.
- [87] Подробнее эта тема разбирается в кн: Matthes E. Verbotene Erinnerung. S. 1359-1362.
- [88] Доклад главного архитектора города Калининграда тов. Ходаковского В.В. С. 4.
- [89] Костяшов Ю. Изгнание прусского духа. С. 63 сл.
- [90] Vladimir Chrappa. Wir, die Bevölkerung von Königsberg, Offener Brief an die Metropole // Kontinent. Ost-West-Forum. 1989. № 3. S. 99 – 101.
- [91] Доклад главного архитектора города Калининграда тов. Ходаковского В.В. С. 9.
- [92] См., например: Сохраним для истории. Три письма на одну тему // Литературная газета. 1965, 30 октября.
- [93] Показательно, что эта книга, написанная ещё в начале 90-ых годов, была опубликована только в 1999 г., причем на немецком языке (Matthes, Als Russe in Ostpreußen). Русский «оригинал» этого издания удалось выпустить после долгих мытарств лишь три года спустя: Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах / Авт. колл. под рук. Ю. Костяшова. СПб, 2002.
- [94] Гриньков С. Глазами зодчих // Калининградская правда. 1965, 21 сентября. См. также: ГАКО. Ф. 297. Оп. 8. Д. 1780. Отчет представителя Минкульта РСФСР А. Попову о сентябрьском собрании, 29 сентября 1965. Л. 5-6.
- [95] Сухова С. По замку - огонь! // Кафедральный сбор. 1990. №. 3. С. 41 – 51.
- [96] Таким будет центр Калининграда // Калининградская правда. 1966, 28 декабря.
- [97] Matthes. Verbotene Erinnerung. S. 1362f.
- [98] Galcova S. Die Geschichte des Kaliningrader Gebietes in der sowjetischen Forschung // Nord-Ost-Archiv. Zeitschrift für Regionalgeschichte. 1993. Bd. 3. S. 495 – 506, здесь: S. 496.
- [99] Об исторической политике в связи с возникновением регионального сознания нового населения Калининградской области см.: Matthes E. Verbotene Erinnerung.
- [100] Hoppe B. Angst vor dem Korridor. Die Sorgen der Kaliningrader von heute und die Sorgen der Königsberger von einst // Berliner Zeitung. 2002, 9 ноября.
- [101] Ржевский В. Прощай, Калининград? // Калининградская правда. 2003, 18 ноября.